

*С глубоким уважением
к Таше Тудор
и верой в скорые путешествия
во времени*

* * *

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Гори-гори ясно, чтобы не погасло.

Строчка из давно позабытой детской песни все ускорялась. Напоминала карусель, внезапно сошедшую с ума и набирающую обороты. «Гори-гори ясно...»

Словно в такт нехитрой рифме разгоралось пламя. Вначале оно было совсем крошечное, все-таки современные конструкции достаточно пожароустойчивы, да и систему защиты умного дома не так-то просто взломать.

Но потом оно разгорелось и охватило весь дом, не давая чудовищу, находящемуся внутри, ни малейшего шанса.

Глафира заправила под шапку выбившиеся тяжелые дреды и улыбнулась. У нее получилось! Все получилось! Впрочем, у нее всегда все получалось. Планета станет немного чище, и, возможно, чаши мирового баланса все-таки перевесят в сторону добра.

Тишину ночи и негромкий треск огня разрезал крик. Женский крик.

Улыбка замерла, и Глафира застыла. Обратилась в соляной столб. Даже сердце перестало стучать. В доме женщина? Нет, не может быть! Неужели после всего, что сегодня произошло, эта тварь еще и привела любовницу? Тут же застучало в висках: ну и что, пускай любовница, может быть, даже проститутка, все равно женщина не виновата и не должна пострадать!

Она сделала шаг вперед в безумной попытке все отменить, но тут же остановилась. Нет, она уже ничем не поможет. Нужно спасать живых, немедленно. В запасе мало времени.

В голове словно застучал секундомер. Развернувшись, Глафира побежала к выходу из небольшого парка, окружавшего особняк. Камер здесь не было, она точно знала. Она все ускоряла и ускоряла бег, зажав уши руками, стараясь не слышать крика горящего заживо ни в чем не повинного человека.

Выбежав за ограду, она припустила бегом вдоль по пустынной улице сонного Хайгейта. Планы меняются, они поедут все вместе в аэропорт прямо из больницы. Благо машину она оставила на больничном паркинге, а сюда добралась на общественном транспорте, чтобы не привлекать лишнего внимания. Сейчас ведь можно отследить вообще все, в том числе и передвижения машины. А ей лишние следы были ни к чему.

Перейдя на равномерный бег, она попыталась сконцентрироваться на порядке действий. Она доберется до больницы, заберет сестру, вместе они

заедут к Луизе, заберут детей и поедут в аэропорт. Билеты, деньги, паспорта — все у нее, все готово к отлету в новую жизнь.

Глафира бежала по широким чистым улицам, стараясь держаться подальше от света фонарей. Из домов, словно горошины, посыпались обеспокоенные жители — женщины в шелковых халатах, мужчины в элегантных пижамах. В этом районе мужчины никогда не ходили в растянутых футболках и семейных трусах, как там, куда им предстоит улететь.

Она силой заставила себя замедлить шаг. Все медленнее и медленнее, собрав всю силу воли, ценной запредельных усилий, стараясь держаться в тени и не привлекать внимания. Хорошо, что она додумалась надеть на голову шапку, дреды были здесь неуместны и непременно привлекли бы внимание.

— Где эти пожарные, когда они нужны? — возмущенно воскликнула ухоженная высокая женщина неопределенного возраста. В ушах сверкают бриллианты, но еще ярче горит жадное любопытство в глазах — надежда на жуткую трагедию.

— Это же дом Дорманов, если я не ошибаюсь? — поддержала беседу сухопарая старушка, одетая, не смотря на поздний час, в костюм и держащая на руках болонку.

— Надеюсь, миссис Дорман и детей нет в доме, — нахмурилась высокая женщина, и проходящей мимо девушке, чья голова была закрыта ка-

плюшоном, захотелось толкнуть ее, обозвать в лицо наглой обманщицей. Если бы хоть кому-нибудь из этих сочувствующих лицемеров на самом деле была небезразлична судьба миссис Дорман, они бы не допустили и половины той мерзости, что творил ее муж.

— О, — вместо ответа округло произнесла старушка и прижала к себе болонку, пряча лицо в мягкую шерсть. Девушку в капюшоне она не заметила, инстинктивно отменяя все, что не принадлежало к их кругу.

Девушка тем временем тенью проскользнула мимо них, опустив голову как можно ниже. Вой сирен нарастал и становился нестерпимым, на улицы продолжали выплескиваться местные жители и прислуга. Всех их беспокоило лишь одно — не распространится ли огонь по их чудесному Хайгейту.

Спустя несколько минут она покинула район, битком набитый британскими снобами, и почти бегом ворвалась в Хэмстед-Хит, лесополосу, отделяющую Хайгейт от центра Лондона. Ее путь лежал в Падингтон, в госпиталь Святой Марии, один из четырех основных центров травматологии Лондона.

Глафира набирала темп, пока не почувствовала, что еще немного — и воздух разорвет легкие. Она подумала, не взять ли ей такси, но тут же отменяла эту мысль. Ей нужно успокоиться, прийти в себя. Чем меньше людей увидит ее в таком состоянии, тем лучше.

Она только что убила человека. Господи, нет. Она только что убила двоих людей. Как она дошла до такой жизни? Впрочем, ей всегда пророчили, что она плохо кончит, даже родители, от которых она сбежала в пятнадцать лет и с тех пор ни разу их не видела. Может быть, они были правы? Видели со стороны то, что было недоступно ей самой? И она действительно плохо кончит?

Не думать. Ни о чем не думать. Сейчас главное — забрать Натали и детей, сесть на самолет и раствориться в воздухе в прямом смысле этого слова.

* * *

Глафира быстрым шагом вошла в высокое здание, отделанное в лучших британских традициях: наводящий скуку темно-коричневый фасадный кирпич и убогие белые узоры. Впрочем, сейчас ей было не до архитектурных изысков. Девушка, по-прежнему не снимая с головы капюшон, направилась прямо к стойке рецепции, где объявила, что ей нужно срочно повидать миссис Дорман, поступившую в травматологическое отделение несколькими часами ранее.

Румяная, словно персик, молодая медсестра, сидящая за стойкой, вежливо объяснила, что в такое время посещения не предусмотрены, но она может проведать миссис Дорман уже следующим утром. А если у нее что-то срочное, то можно оставить сообщение.

Странная девушка в капюшоне лишь покачала головой, поблагодарила персика и, так же быстро покинув больницу, обошла ее с другой стороны. Схватившись за живот и немного согнув спину, она вошла в отделение «Скорой помощи», где тут же смешалась с толпой страждущих.

Это был филиал ада на земле. Отовсюду на нее чихали, кашляли, кого-то тошнило, а кто-то стонал так, что, казалось, еще несколько мгновений — и его душа отлетит в иной мир. Возможно, там несчастному будет действительно лучше. Два молодых чернокожих парня привели третьего, из чьего живота кровь капала прямо на пол, но никто не торопился ему помочь. Чопорная английская дама отводила глаза от неэстетичного зрелища и натужно кашляла в платок. Рядом с ней гомонило арабское семейство — мать держала на руках девочку, находившуюся в полузабытье, а отец пытался собрать воедино детей, расплзающихся по всему приемному покою. Все это действовало на и без того расшатанные нервы.

Прикрывая лицо рукой, Глафира сделала вид, будто идет к одному из туалетов, но на самом деле толкнула дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен», находящуюся рядом с ним. За дверью скрывалась небольшая кладовка, где хранились предметы первой необходимости, а также одноразовые простыни, перчатки и одежда для пациентов.

Она схватила первую попавшуюся ночную рубашку и засунула ее под куртку. Выскользнув из

кладовой, зашла в туалет, быстро переоделась в кабинке, сбросив джинсы и футболку и натянув на себя рубашку. Та была достаточно длинной, чтобы прикрыть татуировку на бедре. Роспись на руках закроет курткой.

Руки дрожали все сильнее, выдавая нервное напряжение, которое она пыталась скрыть от самой себя. В доме сгорели неизвестная женщина и Виктор. Эта тварь издевалась над Натальей не переставая. Избив жену и отправив ее в больницу, он в тот же вечер притащил в дом любовницу. Она обязательно расскажет об этом сестре... или лучше не говорить? Это ведь признание в убийстве невинного человека. Убийцей Виктора она себя не считала. Это была самооборона. Она должна была защитить сестру и ее детишек от дикого зверя, пока не стало слишком поздно.

Убеждая себя в правильности собственного поступка, Глафира натянула поверх ночной рубашки куртку, снова надела на голову капюшон, скрывая дреды, и выскользнула из туалета. Уверенным шагом направилась в крыло, предназначенное для пациентов. Поднялась на этаж травматологии, кивнула сидящей на вахте медсестре (к счастью, они сменялись слишком часто, чтобы помнить в лицо всех пациентов) и подошла к палате сестры.

Немного замешкалась перед тем, как толкнуть дверь. Надо вести себя осторожнее. Натали наверняка спит, и она может напугать ее. Глафира подняла руку, чтобы толкнуть дверь, и остановилась.

Хотелось плакать, спрятаться за чью-то спину, отмотать все назад. Но она взяла себя в руки — рефлексией займется потом. Толкнула дверь и остановилась на пороге.

Она до конца жизни будет помнить каждую секунду этого страшного вечера. Вот она стоит на пороге палаты и тупо смотрит на пустую смятую постель. Делает шаг, толкает дверь в крошечный туалет с душем, уже зная, что не обнаружит там Натали. Словно в замедленной съемке бросается к встроенному шкафу, в котором хранятся вещи пациентов, открывает его, уже понимая, что не увидит там вещей сестры и ее сумки.

Натали сбежала из больницы, чтобы вернуться к нему. Болезненная страсть. Смертельная.

Глафира схватилась за железную спинку кровати, потянула ее на себя, обрушивая с грохотом поднос с едой, к которой Натали даже не притронулась, а дальше крик ужаса, пустота и провал.

Меньше часа тому назад она убила собственную сестру.

— Миссис Дорман, миссис Дорман, с вами все в порядке? — настойчивый оклик вырвал ее из спасительного забытья. Глафира с трудом открыла глаза и поняла, что лежит на полу, а над ней склонилась одна из медсестер. — Миссис Дорман, позвольте, я помогу вам встать и позову доктора.

— Нет! — воскликнула она, снова закрывая глаза и пытаясь остановить кружение комнаты. — Я... я хотела выйти на улицу.

— Миссис Дорман, вам нельзя никуда выходить, я позову доктора, — снова настойчиво повторила девушка, помогая ей подняться и присесть на кровать.

— Нет, не надо, я в порядке, — настойчиво попросила она, прижимая руку ко лбу и проверяя, на месте ли капюшон.

Миссис Дорман. Она приняла ее за сестру.

— Мне просто надо немного полежать, спасибо вам...

— Хорошо, — неуверенно кивнула девушка, не привыкшая спорить с влиятельными пациентами госпиталя. — Если вдруг что-нибудь понадобится, нажмите вот на эту кнопку. — Она протянула ей пульт от кровати, в центре которого красовалась кнопка с изображением человечка.

— Хорошо, спасибо. — Глафира легла в кровать, не снимая шапки и куртки. Поймав на себе удивленный взгляд медсестры, пояснила: — Меня немного морозит.

— Это последствие травмы, — ласково улыбнулась девушка. — Если хотите, я могу дать вам снотворное и обезболивающее.

— Да, спасибо.

Медсестра была рада вернуться к привычным обязанностям, а Глафира откинулась на подушки и, закрыв глаза, прикусила кулак, стараясь сдерживать крик. Она убила Натали. Она должна пойти в полицию и сдать ее. Немедленно. Если ей суждено

провести свой век за решеткой, значит, так тому и быть. Она убийца, она лишила детей отца и матери.

Мысль о детях обожгла, словно хлыст, ее буквально подбросило на кровати. Дети, что теперь будет с детьми?

— Миссис Дорман, вы точно в порядке? — с беспокойством спросила медсестра, возвращаясь в палату и неся в руках небольшую таблетку.

— Да, мне просто нужно поспать. — Она натужно улыбнулась девушке, принимая из ее рук лекарство. — Если что, я позвоню.

Та, немного помешкав, кивнула и вышла из палаты.

Дети. Что с ними будет? Бабушке и дедушке со стороны матери они точно не нужны. Насколько она знала из рассказов сестры, отец давно спился, а мать пыталась устроить личную жизнь, меняя кавалеров как перчатки, причем каждый последующий вариант был хуже предыдущего. Да никто и не отдаст британских детишек российским маргиналам.

Бабушка и дед со стороны отца? Из горла помимо воли вырвался булькающий звук — нечто среднее между смехом и рыданием. Чопорные твари прекрасно знали о том, что вырастили сына-садиста. Наверное, поэтому они и не возражали против брака с Натали, понимая, что та ничто против всемогущего клана и ее можно держать на привязи посредством детей. Они, не раздумывая, сдадут всех четверых в интернат.

А что, если?..

Медсестра ведь приняла ее за Натали. Несмотря на разницу в год, они с сестрой были похожи, словно близнецы, в детстве их даже путали. Обе рыжеволосые, с темными глазами, светлой кожей и веснушками. Вот только характеры у них были диаметрально противоположные. Если Натали все сравнивали с ангелом, то ее, Глафиру, иначе как «дьявольским отродьем» никто не называл.

Выдать себя за Натали? Но ведь следователи все равно узнают, что та погибла в огне. По отпечаткам зубов, ДНК, мало ли у них методов. Но пока они это выяснят, у нее есть фора в несколько десятков часов. А что, если действовать быстро? Забрать детей и улететь на родину?

Нет, решительно невозможно! Она же чайлд-фри, убежденная противница браков и института семьи, ей хватило отношений родителей и Натали, чтобы решить для себя, что свой век она закончит в каком-нибудь доме престарелых или просто бросится с моста в воду, когда устанет. Она понятия не имеет, что делать с детьми. Да, она любит своих племянников, но видела она их несколько раз в год, и занималась ими мать, а не она. Она даже не знает, что эти дети едят. И вообще. Взять на себя такую ответственность?

Ей немедленно захотелось дать самой себе пощечину: ты, тварь, оставила детей сиротами и еще рассуждаешь о том, что они для тебя слишком большая ответственность? Если бы она могла, она бы сама себя взяла за шкирку и вытащила из этой